Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII—XX веков

DirectMEDIA

УДК 008(075)
ББК 71.063.131я723
Ч39

Авторы монографии:
к.ф.н., доц. Аствацатуров А. А.,
к.ф.н. проф. Аствацатуров А. Г.,
д.ф.н., проф. Вольский А. Л. ,
д.ф.н., проф. Жеребин А. И.,
к.ф.н., доц. Каминская Ю. В.,
д.ф.н., проф. Лагутина И. Н.,
д.ф.н., проф. Фокин С. Л.

Редколлегия:
д.ф.н., проф. А. Л. Вольский (ответственный редактор), к.ф.н., доц.. Ю.В. Каминская,
к.ф.н. Разумахина К. Ю.

Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в
Ч39 немецкоязычной культуре XVIII-XX веков : монография / под ред. А. Л. Вольского. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 516 с.

ISBN 978-5-4499-0532-1

Монография подготовлена в рамках проекта РГНФ №14–04–000–65 «Человек модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII-XX веков» и представляет собой его итоговую часть. В рамках теоретической концепции модерна как макроэпохи в ней рассматриваются генезис и становление модернисткой субъективности на основании трех антропологических инвариантов: человек метафизический, человек психологический и человек эстетический. Основная часть исследования посвящена главным героям немецкого модерна — И. В. Гете, Ф. Гельдерлину и Ф. Ницше. Монография предназначена для преподавателей и студентов гуманитарных специальностей и может использоваться в изучении истории зарубежной литературы, философии, психологии и эстетики.

УДК 008(075)
ББК 71.063.131я723

ISBN 978-5-4499-0532-1

© Коллектив авторов, текст, 2019
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2019

Содержание

Предисловие 5
Герменевтическая прелюдия 14
Часть 1. Человек модерна и его антропологические инварианты 36
Глава 1. Homo metaphysicus и трагедия модернистской свободы 36
Образ человека модерна (Рокайроль Жан Поля) 36
Категория свободы в романтической культуре 57
Эрнст Мах и проблема разрушения личности 83
Глава 2. Homo psychologicus и открытие внутреннего человека 105
Зигмунд Фрейд: психоаналитическая концепция личности в историко-литературном контексте эпохи Fin de siècle 105
«Новая психология» и эстетическая утопия венского модерна 133
Антропологическая утопия Отто Вейнингера 154
Глава 3. Homo aestheticus и проблема гениальной личности 180
Poeta vates vs poeta doctus: генезис эстетического человека 180
Осознавание бессознательного: художник модернизма на пути к духовному синтезу 203
Антропология гения в философско-литературном дискурсе конца XIX — начала XX века 217
Часть 2. Образ человека в литературе эпохи модерна 229
Глава 1. И.В. Гёте 229
Человек модерна Вертер 229
Поэт и просвещенное общество. Драма И. В. Гёте «Торквато Тассо» 246
Гёте и Толстой в интерпретации Томаса Манна 265
«До божественности удавшийся человек…»: Гёте и жизнетворческая стратегия Э. К. Метнера 276
Глава 2. Фридрих Гёльдерлин 295

Европейский текст Фридриха Гёльдерлина 295
Роман Гёльдерлина «Гиперион» и утопия «третьего царства» в европейской культуре 326
«Глашатай нового Бога»: поэзия Гёльдерлина в контексте формирования национал-социалистической идеологии 340
Звуки, способные выразить все тайны памяти: Hölderlin как homo aestheticus в современной немецкоязычной поэзии 353
Глава 3. Фридрих Ницше 386
Какую музыку любил и сочинял Фридрих Ницше? 386
Загадка великого разрыва. К антропологии декаданса в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» 405
Ницше и Бодлер: генеалогия декаданса в свете проблемы перевода 418
Фридрих Ницше и случай его интерпретации в США .. 428
Вместо послесловия. Литература и литературоведение в антропологическом аспекте. О новых исследованиях Алексея Жеребина и Сильвио Вьетта 472
Литература 480

Предисловие

Предлагаемая коллективная монография представляет собой опыт герменевтического исследования текстов культуры европейского модернизма. В качестве основной методологической предпосылки выступает концепция модерна как макроэпохи, которая рассматривает модерн как парадигму общественного и индивидуального сознания, доминирующую в Европе начиная с конца XVIII века до наших дней.

Модернизм провозгласил переход к творческому свободному мышлению, свободному от общезначимой традиции, утвердил принцип непрерывного обновления его стилей и форм, дал толчок к созданию синтетических интермедиальных пространств, инициировал перекодировку традиционных семиотических систем, стимулировал процессы демифологизации сакрального и ремифологизации профанного бытия, отчуждения индивида от общества и поисков новой социальной и метафизической интеграции.

В монографии осуществляется попытка диссеминации опыта западного модернизмоведения, выдвинувшего продуктивную и до настоящего времени не востребованную отечественной наукой концепцию «большого модерна», а также осмысления основной проблематики модернизма на основе философской антропологии как базиса инновационного развития традиционных дисциплин гуманитарного цикла.

Последнее связано с постепенным ослаблением постмодернистской парадигмы, строившейся на идее смерти субъекта. Отказ от этой идеи закономерно ведет к реанимации «человековедения» и расширению сферы влияния антропологии на философию и эстетику, историю и социологию, психологию и лингвистику, литературоведение и искусствознание.

Предметом теоретической рефлексии в рамках данного исследования выступают такие знаковые процессы эпохи модерна, как прорыв в мир бессознательного, интерес

к глубинным («ночным») пластам человеческой психики, метафизическая напряженность экзистенциальных исканий и возведение творческого процесса в ранг религиозного действа.

Антропологическая проблематика модернизма, его генезис, формы и эволюция исследуются здесь сквозь призму трех антропологических инвариантов: homo metaphysicus (человек метафизический), homo psychologicus (человек психологический) и homo aestheticus (человек эстетический), на основании которых описывается становление новых форм субъективности, проявляющееся в семиотических формах культуры — в области философии и литературы, науки и политики, личной жизни и социальной практики.

Становление — ключевое понятие модернистского проекта. Оно определяет смысл человеческой жизни как перманентного креативного процесса, не знающего завершения. Динамика становления пронизывает все сферы существования человека модерна, его духовная эволюция отмечена периодами радикальной переоценки ценностей.

Монография открывается «Герменевтической прелюдией» (А. Г. Аствацатуров), в которой предметом рефлексии становятся экзистенциальные основания герменевтической интерпретации текстов культуры, отражающие потребность человека в самопонимании, обосновывается концепция модерна как макроэпохи, декларируются ключевые теоретические принципы модернизмоведения, предпринимается попытка сжатого историко-философского очерка генезиса модерна в культуре Нового времени.

В первой части проблема модернистской субъективности получает интерпретацию на основе трех вышеупомянутых антропологических инвариантов. В ее первой главе «Homo metaphysicus и трагедия модернистской свободы» в центре внимания авторов находятся проблемы суверенной модернистской субъективности и кризиса ее идентичности.

Трагизм абсолютной свободы человека раскрывается в интерпретации образа Рокайроля, главного героя романа Жана Поля Рихтера «Титан» (А. Г. Аствацатуров). Этот образ является синтетическим и программным для всего модерна,

т. к. вбирает в себя черты, присущие как демоническим героям традиционной культуры (Фауст и Дон Жуан), так и рефлексирующим персонажам модерна, первым в ряду которых был гётевский Вертер. История Карла Рокайроля демонстрирует трагедию романтического индивидуалиста, стремящегося к абсолютизации своего «Я». Итогом его пути становятся растрата творческих сил, пресыщение жизнью и острое чувство бессмысленности существования.

В статье «Категория свободы в романтической культуре» (Л. Н. Болтовская) дан анализ понятия свободы в его историческом, философском и художественном преломлении. Основное внимание уделяется обоснованию этой категории в немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг). Художественное воплощение романтического типа свободолюбия рассматривается через творчество Байрона. Полемика с «байронизмом» дана с точки зрения онтологического реализма Пушкина.

В статье «Эрнст Мах и проблема разрушения личности» (А. И. Жеребин) подчеркивается амбивалентность критики классического субъекта в монистической философии Эрнста Маха, оказавшей значительное влияние на теорию личности в культуре XX века. Скептически опровергая единство и идентичность человеческого «Я» как идеалистическую иллюзию, Мах намечает вместе с тем мистическую концепцию симфонической личности-микрокосма, интерферирующую с немецкой философией жизни и русской метафизикой всеединства.

Вторая глава «Homo psychologicus и открытие внутреннего человека» написана А. И. Жеребиным. Она содержит исследование интердискурсивного диалога между литературой и психологией. Лучшим подтверждением их сближения является психоанализ. Фрейд и его ученики разрабатывали свои теории преимущественно на литературных примерах, а их собственная научная проза обладала ярко выраженными эстетическими качествами. В свою очередь многие писатели конца XIX — начала XX века увлеченно следили за успехами глубинной психологии, чтобы интегрировать ее открытия

в свою поэтику. Примечательно, что герменевтический термин «науки о духе» вошел в подзаголовок важнейшего психоаналитического издания — журнала «Имаго» (Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften).

В третьей главе «Homo aestheticus и проблема гениальной личности» (А. Л. Вольский) исследуются генезис и эволюция идеи гениальной личности в европейской культуре. Феномен гениальности раскрывается на основе оппозиции двух конкурирующих друг с другом в истории культуры теоретических концепций: творчества как вдохновения и как мастерства, бессознательного творчества и осознанного действия, которые здесь связываются с именами Платона и Аристотеля. Взаимоотношения этих концепций рассматриваются в контексте античной и модернистской культуры.

Вторая часть монографии посвящена трем ключевым фигурам немецкого модерна — И. В. Гёте, Ф. Гёльдерлину и Ф. Ницше, — в личности и творчестве которых проявляются наиболее продуктивные тенденции современности и фокусируются ее типологические признаки.

Глава начинается с интерпретации романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» (А. Г. Аствацатуров). В этом произведении, по мнению автора, впервые воплотился образ суверенной личности, т. н. эксклюзионной субъективности, человека, наделенного развитым самосознанием и внутренней независимостью, мучительно переживающего свое одиночество в этом мире. Вертер — литературная «матрица» современного человека, архетипические свойства которого так или иначе наследуют литературные герои модерна.

Исследование современного человека А. Г. Аствацатуров продолжает в статье «Поэт и просвещенное общество». Драма И. В. Гёте «Торквато Тассо», главный герой которой — поэт-маньерист Торквато Тассо — традиционно рассматривается как прямой наследник Вертера, «потенцированный Вертер». В статье раскрывается глубинное противоречие между современным поэтом и обществом, выявлено метафизическое отчуждение поэта, а концепция эстетического

государства, которая станет ключевой для веймарской классики, деконструирована как несбыточная утопия.

Две следующие главы посвящены рецепции личности и творчества Гёте в культуре XX века. Историко-литературный этюд Томаса Манна «Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (1921–1932), разбор которого дан в статье А. И. Жеребина, представляет собой выразительный пример немецкой эссеистики XX века, последнюю отчаянную попытку возрождения гуманистической традиции накануне нацистского переворота. Интерпретируя факты личной и литературной биографии Толстого на фоне жизни и творчества Гёте, Т. Манн отнюдь не стремится к научной объективности. Его книга не научное исследование, а образец синкретической философской прозы, в которой эмпирический материал проецируется на бытийные универсалии, а идея как принцип изображения сливается с художественной формой (Бахтин). Искусство психологического портрета, яркие повествовательные эпизоды, парадоксальность философской аргументации, своевольная интерпретация обильных цитат — все служит Т. Манну средством создания художественно-идеологической конструкции, преобразующей антитезу варварской России и цивилизованной Европы в сверхнациональный миф о западно-восточном культурном синтезе.

И. Н. Лагутина в статье «До божественности удавшийся человек…»: Гёте и жизнетворческая трагедия Э. К. Метнера» реконструирует на основе неопубликованных автобиографических материалов из московского фонда Эмилия Метнера одну из жизнетворческих моделей русского символизма, превращение Гёте из объекта личного поклонения в основателя новой религии «Святого Вольфганга».

Герой второй главы — Фридрих Гёльдерлин, поэт-философ, предтеча современной немецкой поэзии, образ которого подвергался многочисленным мифологизациям в модернистской культуре. В статье «Европейский текст Фридриха Гёльдерлина» (С. Л. Фокин) рассматриваются, с одной стороны, то, что можно назвать «европейским

текстом» Гёльдерлина, — его размышления о судьбе Германии в связи с идеей Европы, тогда как с другой — оригинальная концепция перевода поэта, в которой тот сближается, с одной стороны, с метафизикой, с другой — со своего рода театрально-экзистенциальным экспериментом. В такого рода практике поэт-переводчик так углубляется в языковое начинание, что поэзия начинает грозить безумием и безмолвием. Вместе с тем в такого рода переводе или языковом перевороте поэт может решать политические задачи своего времени и своего отечества, стремясь поставить последнее в число первых.

Идейный сюжет романа Гёльдерлина «Гиперион» исследуется в статье А. И. Жеребина как одна из манифестаций мифопоэтической концепции «третьего царства» — влиятельного метанарратива эпохи модерна, сохраняющего свою актуальность в качестве отложенного смысла истории европейской культуры. В его основе — романтическая идея «циклического» хода исторического и мирового (богочеловеческого) процесса, восходящая к гностицизму и нашедшая логическое обоснование в диалектической триаде Гегеля (тезис — антитезис — синтез). Гёльдерлину тезисом представляется античность, синтезом — Германия будущего как носительница идеи Европы. Провозвестницей этого идеала является Диотима — наследница мистической Святой Софии, душа «новой церкви», соборного богочеловечества, объединенного принципом вселенской любви.

Как и раздел о Гёте, эта глава завершается исследованиями истории рецепции Гёльдерлина в XX веке. И. Н. Лагутина рассматривает идеологическую и политическую интерпретации поэзии Гёльдерлина в 1920–1930-е годы, которая становится одним из инструментов формирования арийского мифа в нацистской Германии, а Ю. В. Каминская в последней статье раздела изучает продуктивную рецепцию Гёльдерлина в современной немецкоязычной поэзии. Принципиальное размывание всяческих полярностей в творчестве Гёльдерлина послужило одной из важнейших причин того, что современная поэзия, стремящаяся любыми средствами

избавиться от сдерживающих границ, выйти за всевозможные пределы, именно в этом грандиозном предшественнике видит своеобразное, но максимально точное воплощение homo aestheticus, одновременно воспринимающего, творящего и побуждающего других к особенно интенсивному, художественному восприятию мира в целом и творчества в частности. Продолжая традицию Пауля Целана (1920–1970), Эриха Фрида (1921–1988) и Оскара Пастиора, знаменитые поэты наших дней Герхард Фалькнер и Фридерике Майрёккер посвящают чрезвычайно значительные усилия осмыслению традиции Гёльдерлина, своеобразно отразившейся в их стихотворных сборниках, сопоставление которых стало основой статьи и позволяет по-новому взглянуть на роль поэта в современном обществе.

Третья глава «Фридрих Ницше» открывается статьей А. Г. Аствацатурова «Какую музыку любил и сочинял Фридрих Ницше?», посвященной эволюции музыкальных взглядов великого философа, главным героем и антигероем которой был Рихард Вагнер. Автор статьи показывает противоречивость сформировавшей Ницше музыкальной культуры. С одной стороны, она определяется юношеским интересом Ницше к германской мифологической архаике, который сближал его с Вагнером, с другой — обусловлена детскими впечатлениями интимной и изящной «музыки Юга» от Моцарта до Ф. Шопена и Ф. Мендельсона, в которой Ницше усматривал возрождение светлого духа античности, преодолевающего моралистическую и политически ангажированную музыку Вагнера.

Работа «Загадка великого разрыва. К антропологии декаданса в книге Ницше „Человеческое, слишком человеческое“» (А. И. Жеребин) отчасти продолжает проблематику предыдущей статьи о творческом союзе и разрыве Ф. Ницше и Р. Вагнера. Страсть к разрывам и мания уходов — характерный симптом кризиса культуры, получивший широкое распространение в жизни и литературе эпохи декаданса. Предисловие Ницше к «Человеческому, слишком человеческому» (1886) приобретает на этом фоне особое значение. На

его страницах зарождается новая антропологическая парадигма эпохи. Ницше создает образ экспериментального человека in extremis и набрасывает инвариантную схему его становления, которая становится архетипической порождающей моделью для множества конкретных литературных сюжетов.

В статье «Ницше и Бодлер: генеалогия декаданса в свете проблемы перевода» (С. Л. Фокин) рассматривается прочтение Ф. Ницше посмертных фрагментов Ш. Бодлера, относящихся к замыслу автобиографического эссе «Мое обнаженное сердце». Устанавливается, что идеи французского поэта были важным источником размышлений Ницше над проблемой декаданса. Более того, в силу исключительно своеобразного понимания музыки Р. Вагнера, Бодлер оказался для немецкого мыслителя, вступавшего в период нездоровья, своего рода экзистенциальным «двойником», смутным объектом идентификации воспаленного критического сознания. В последние месяцы сознательной жизни Ницше буквально заболел Бодлером, как в свое время болел Вагнером. Во власти этого наваждения ему случалось видеть во французском поэте самого себя, но гораздо чаще образ Бодлера сливался в его сознании с образом Вагнера.

Глава завершается обширной статьей А. А. Аствацатурова «Фридрих Ницше и случай его интерпретации в США». Внимание автора статьи сфокусировано на понимании природы искусства, высказанном Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки». Эта работа, содержащая в потенциале все будущие идеи мыслителя, явилась попыткой осуществить революцию в немецком академическом сообществе, актуализировать прошлое, сделать миф способом познания реальности и сделать возможным появление гения. В статье также говорится о специфическом характере восприятия Ницше в США и о той версии идей великого философа, которую предлагает в своих текстах американский прозаик Генри Миллер. Он использует ключевые идеи Ницше в качестве художественного метода, способа письма, а также как темы, о которых он обстоятельно рассуждает на страницах

своих знаменитых текстов «Тропик Рака», «Черная весна» и «Тропик Козерога».

Своеобразным послесловием к тексту монографии о модерне и модернизмоведении служит филологический очерк Ю. В. Каминской «Литература и литературоведение в антропологическом аспекте. О новых исследованиях Алексея Жеребина и Сильвио Вьетта». В нем речь идет о двух книгах о немецком модерне: «От Виланда до Кафки. Очерки по истории немецкой литературы» (2012) А. И. Жеребина и «Литература и рациональность. Функции литературы в истории европейской культуры» (2014) С. Вьетта. Заметный ряд общих черт позволяет размышлять о трудах знаменитых авторов сопоставительно. Их книги вносят значительный вклад в историю взаимоотношений философии и филологии, антропологии и литературоведения. Это наблюдение побуждает автора рассмотреть развитие гуманитарных исследований аналогичной направленности в рамках статьи и выявить системность попыток философской антропологии и литературоведения приблизиться друг к другу, чтобы постепенно обогащать познавательные возможности наук, выходя за пределы привычных дисциплин и создавая принципиально единую основу литературной и литературоведческой антропологии.

А. Л. Вольский